

МОЛОДЕЖЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

DOI: 10.19181/vis.2026.17.1.6
EDN: CAKGPV



Об отношении молодежи Приморского края к ключевым антикризисным стратегиям государства¹

Ссылка для цитирования: *Марин Е. Б., Осмачко Н. В.* Об отношении молодежи Приморского края к ключевым антикризисным стратегиям государства // Вестник Института социологии. 2026. Том 17. № 1. С. 111–129. DOI: 10.19181/vis.2026.17.1.6; EDN: CAKGPV.

For citation: Marin E. B., Osmachko N. V. On the Attitude of the Youth of Primorsky Krai toward Key Anti-Crisis Strategies of the State. *Vestnik instituta sotziologii*. 2026. Vol. 17. No. 1. P. 111–129. DOI: 10.19181/vis.2026.17.1.6; EDN: CAKGPV.



SPIN-код: 4047-7133

Марин Егор Борисович¹

¹Морской государственный университет
им. адм. Г. И. Невельского, Владивосток, Россия

marin.eb@dvmu.ru



SPIN-код: 1538-5183

Осмачко Надежда Владимировна

¹Владивосток, Россия

nv.o@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты качественного исследования, проведенного среди молодежи Приморского края весной–летом 2024 г. Транскрипты фокусированных интервью 50 юношей и девушек 18–25 лет обрабатывались методом контент-анализа. Для повышения обоснованности выводов привлекались данные массовых опросов молодежи последних лет.

Отношение молодых людей к основным антикризисным стратегиям российского государства в сфере демографической политики, образования и национальной безопасности изучалось на примере 1) программ материнского капитала и льготной ипотеки для молодых семей; 2) внедрения в процесс школьного и вузовского образования традиционных духовно-нравственных ценностей; 3) специальной военной операции (СВО) и частичной мобилизации.

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 24-28-00740.

Установлено, что молодежь Приморского края имеет довольно общие представления о программах материнского капитала и льготной ипотеки для молодых семей, которые были оценены скорее положительно, но при этом признаны недостаточно эффективными. Участники интервью по большей части критически отнеслись к деятельности органов государственной власти в сфере поддержки семьи и стимулирования рождаемости. В своих ответах они высказывали неудовлетворенность экономической ситуацией и условиями жизни в стране, демотивирующих россиян заводить детей.

Отношение молодых людей к внедрению в образовательный процесс традиционных духовно-нравственных ценностей в целом неоднозначное. Обращает на себя внимание тот факт, что поддерживающие этот вектор внутренней политики (23 чел.) оказались не столь многословны в обосновании своей позиции, нежели те, кто его «поддерживает, но с оговорками», или же настроен негативно. Последние не скупались на аргументы, защищая свое мнение.

СВО воспринимается молодежью двойственно. Подавляющее большинство участников интервью признали ее важным событием, которое в той или мере затронуло их, но однозначно высказались в поддержку спецоперации менее трети опрошенных. Для части информантов СВО либо с самого начала не представлялась значимой, либо со временем «опривычилась»; каждый четвертый негативно оценил действия России в отношении Украины. Отношение к частичной мобилизации у молодых людей в целом скорее отрицательно: 22 чел. оценили ее негативно, а однозначно поддержали только 3. В ходе интервью был зафиксирован феномен «спирали молчания»: значительное число информантов (от трети до половины) отказались отвечать на вопросы об СВО и мобилизации.

Полученные результаты планируется использовать при подготовке второго этапа исследования, в частности, как основу для формулировки гипотез и закрытия альтернативных вопросов в опросном инструментарии.

Ключевые слова: государство, антикризисные стратегии государства, молодежь, меры поддержки семьи, традиционные ценности, частичная мобилизация, фокусированное интервью

Введение

В ответ на стоящие перед современной Россией вызовы на высшем государственном уровне были сформулированы национальные цели¹ и обозначены стратегические приоритеты в развитии страны. Среди них: сбережение народа России, защита суверенитета, независимости и целостности государства, укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей². То, насколько полно в условиях кризисной социальности будут достигнуты эти цели, зависит от многих факторов, но в первую очередь от управленческих: качества стратегического планирования, профессионализма субъектов системы государственного управления, обеспеченности ресурсами. Социальные факторы – степень доверия граждан органам

¹ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (дата обращения: 07.02.2025).

² Указ Президента Российской Федерации от 02.06.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 07.02.2025).

государственной власти, работа СМИ, состояние обратной связи с населением и пр. – также играют значимую роль в осуществлении антикризисных мер. Не последнее место в обеспечении успешной реализации государственных стратегий и выстраивании ближайшего будущего страны занимает отношение молодежи, степень ее вовлеченности в мероприятия, инициированные ключевыми субъектами управления Российской Федерации. Поколение молодых людей, как отметил В. В. Петухов [12], обладает мощным модернизационным потенциалом, и потому от него ожидается активное включение в процессы жизнедеятельности общества. В то же время молодежь является объектом воздействия так называемых политических антрепренеров – органов государственной власти или представителей несистемной оппозиции, – стремящихся повлиять на ее взгляды и поведение [14, с. 91]. Также у молодых людей, вынужденных действовать в условиях кризисной социальности, складываются более или менее определенные мнения и взгляды относительно работы органов государственного управления, которые следует учитывать в процессе разработки и реализации стратегических (и не только) решений [15, с. 10].

Исходя из указанных фактов и обстоятельств, было предпринято качественное исследование отношения молодежи Дальнего Востока к ключевым антикризисным направлениям деятельности российского государства. Исследование носило поисковый характер и не ставило своей задачей определить специфику гражданской позиции дальневосточной молодежи. Основной его фокус был направлен на выявление палитры мнений и оценок, бытующих в среде молодого поколения региона.

Теоретическая база исследования

Говоря об антикризисных стратегиях российского государства, мы исходим из той трактовки понятия «кризис» и того определения специфики кризисов конца XX – начала XXI в., которые представлены в концепциях: 1) критических состояний общества О. Н. Яницкого [20], 2) гибридной социально-политической реальности В. К. Левашова и О. П. Новожиной [9], 3) кризисной социальности И. В. Катерного [7], 4) генерализаций К. С. Арутюняна [2] и М. В. Синютина [18]. Согласно им кризис является выражением укорененного в обществе противоречия, способного стать импульсом его развития или, напротив, деградации и разрушения [2, с. 78; 18, с. 615]. Критические состояния могут быть и компонентами, и последствиями кризиса, и факторами, определяющими характер его протекания [20, с. 7; 18, с. 615]. Периоды трансформации обществ неизбежно сопровождаются кризисами. Осуществление проекта догоняющей модернизации начиная с 1990-х гг. породило кризисные процессы во всех сферах жизни российского общества. Не будучи преодоленными, в последующие десятилетия они породили новые кризисы. Множественность и разнохарактерность кризисов в российском государстве обусловили формирование так называемой кризисной социальности, усугубленной в последние годы противостоянием с т. н. «коллективным Западом» [9].

В столь сложных условиях государство, по мнению ряда отечественных исследователей [1; 3; 4; 19], становится основным субъектом, действующим в направлении предотвращения или минимизации негативных последствий кризиса. С этой целью оно разрабатывает и реализует ряд антикризисных стратегий, которые характеризуются комплексностью, многоуровневостью, гибкостью, научной обоснованностью, социальной ориентированностью [4]. Также государству в условиях кризисной социальности необходимо заботиться о поддержании социального оптимизма среди населения и позитивного *отношения* граждан к стране и субъектам власти разного уровня [11]. Под отношением здесь понимается сложившаяся эмоционально-волевая установка деятеля на что-либо или на кого-либо, иными словами – его позиция [8].

Эмпирическая база исследования

В статье анализируются транскрипты ответов на вопросы фокусированного интервью, проведенного в Приморском крае (с молодежью, проживающей в гг. Владивосток и Находка) весной–летом 2024 г. Это был момент, когда в стране наблюдалось усиление социального неравенства¹, происходил постоянный рост цен на «все», включая недвижимость², высокий уровень ключевой ставки Центробанка³ практически парализовал ипотечное кредитование⁴, в образовательный процесс начали активно внедрять традиционные духовно-нравственные ценности, а делящаяся уже более двух лет СВО стала привычным фоном.

Рекрутинг респондентов осуществлялся методом доступных случаев и основывался на принципе согласия к сотрудничеству. Всего было опрошено 50 чел. (33 девушки и 17 юношей) в возрасте 18–25 лет; из них 35 чел. являлись на тот момент студентами, 15 – работниками сферы услуг.

Выбор в пользу метода фокусированного интервью был обусловлен поисковым характером исследования и стремлением дать респондентам возможность максимально полно высказаться по изучаемой теме. Сценарий включал девятнадцать основных вопросов; в ряде случаев опрашиваемые самостоятельно отвечали на вопросы в письменной форме.

Для обработки и обобщения полученных данных использовался метод контент-анализа. Отдельные высказывания респондентов используются ниже в качестве иллюстрации.

¹ Уровень неравенства доходов россиян вернулся к досанкционным показателям // Эксперт. 2025. 07 марта. URL: <https://expert.ru/news/rosstat-zafiksiroval-usilenie-neravenstva-v-dokhodakh-k-dosanktsionnomu-urovnyu/> (дата обращения: 17.10.2025).

² Инфляция в России: динамика с начала 2025 года // Sber CIB. 2016. 30 января. URL: <https://sbercib.ru/publication/inflyatsiya-v-2025-godu> (дата обращения: 10.02.2026).

³ Ключевая ставка в 2025 году: хронология решений Банка России и влияние на рынок облигаций // Sber CIB. 2026. 20 января. URL: <https://sbercib.ru/publication/klyuchevaya-stavka-2025> (дата обращения: 10.02.2026).

⁴ Купить квартиру в ипотеку без господдержки и льгот могут только 14% семей в Приморье // Новости: Владивосток. 2025. 30 сентября. URL: <https://www.newsvl.ru/economics/2025/09/30/234227/> (дата обращения: 13.10.2025).

Поскольку настоящее исследование является качественным, и его результаты не могут претендовать на репрезентативность, они в целях повышения валидности сравнивались с результатами массовых опросов, проведенных российскими социологами и исследовательскими центрами (ВЦИОМ и др.) в последние годы [5; 10; 12; 16; 17].

Доверие к источникам информации, иерархия ценностей и общий эмоциональный настрой молодежи Дальнего Востока

Так как отношение выражает определенную позицию субъекта к чему или кому-либо, связано с разделяемыми им ценностями, взглядами, эмоциями и влияет на его поступки, представляется полезным дать развернутую социальную характеристику молодых людей – участников интервью.

Наши респонденты начали свой жизненный путь в период интенсивного распространения идеалов общества потребления, индивидуализма и либеральной демократии. На их поколение пришлось реформирование системы образования, рост роли государства во всех сферах общественной жизни, ухудшение экономической ситуация, усиление социальной поляризации в российском обществе и обострение внешнеполитической обстановки, достигшее апогея с началом СВО. Все это обусловило неоднозначное отношение части современной молодежи к высшим властным институтам страны, внутренней и внешней политике государства [10, с. 280], а также ее общее недоверие к поставляемым разными источниками информации готовым мнениям, которым молодые люди стремятся противопоставить собственные суждения: *«Я не прислушиваюсь к чужому мнению. Я способна сама услышать информацию и сделать для себя выводы»* (жен., 19).

Согласно полученным данным, только 13 чел. из опрошенных 50-ти доверяют официальным источникам информации – федеральным телевизионным каналам, официальным сайтам государственных учреждений, словам Президента, министра обороны и т. д. Независимым СМИ доверяют еще меньшее число информантов – 9, а всевозможным экспертам (экономистам, политикам и т. п.), блогерам, родным и друзьям – 7¹. Больше всего среди участников интервью тех, кто не доверяет никаким источникам коммуникации, предоставляющим информацию о положении дел в России, – 21 чел. В число последних вошли как собственно недоверяющие, так и уставшие от информационного шума и те, кого не интересует политика.

Помимо доверия/недоверия разным источникам информации, на отношение к деятельности государства и, в частности, к реализуемым им антикризисным стратегиям влияет также общая иерархия ценностей, разделяемых молодыми людьми, и их эмоциональный настрой.

¹ Полученные в нашем исследовании данные согласуются с результатами массового опроса [9, с. 145].

Во главу угла опрошенные молодые люди поставили частную жизнь, собственную независимость и самореализацию. Так, семью в качестве ценности выбрали 28 чел. (при этом только 3 чел. упомянули в связи с ней детей и лишь 1 – родительство), свободу – 18 чел., развитие – 15.

На втором месте в плане ценностей у участников интервью находятся: здоровье – 12 чел., любовь, страсть – 11 чел., доброта (гуманизм, эмпатия, *«возможность помогать хорошим людям, особенно попавшим в сложное положение»* (муж., 21)) – 10 чел., материальное благополучие – 9 чел., честность (справедливость, правда) – тоже 9. Касательно последней некоторые молодые люди отмечали, что для российского государства важна *«честность по отношению к гражданам, без “ныли в глаза”»* (муж., 23), и что СМИ, в том числе государственные, *«показывают лишь то, что выгодно показывать»* (жен., 23). Эти и подобные суждения явно или косвенно отражают запрос молодежи на правдивую, справедливую позицию государства.

В третью по значимости группу ценностей вошли: карьера – 6 чел., познание, наука, работа, любимое дело, удовольствия (путешествия, яркость жизни) – по 5 чел., настойчивость и целеустремленность – 4 чел., творчество и ответственность – по 3 чел.

Четвертую группу составили счастье, трудолюбие, комфорт, каждую из которых выбрали по 2 чел., и дружба, благоразумие, приватность – по 1 чел.

Эмоциональный настрой молодежи – участников интервью характеризуется незначительным, но все же перевесом негативных эмоций над позитивными и большим разнообразием первых (табл. 1).

Самой часто испытываемой положительной эмоцией оказалась радость, что может объясняться спецификой опрашиваемой категории: молодым людям свойственно радоваться. Другие положительные эмоции упоминались лишь единицами. В свою очередь палитра негативных эмоций вышла несколько более разнообразной, а их преимущественное преобладание в своей жизни некоторые респонденты связывали с СВО, которая вызвала у них *«подавленность и неприятие происходящего»* (жен., 20), тревожность и злость: *«Я стал злее, тревожнее, при этом более сострадательным и милосердным по отношению к близкому кругу»* (муж., 23); *«В начале было тревожно и страшно, потом стало все равно. Случилось привыкание...»* (муж., 25).

Таблица 1 (Table 1)

Список эмоций, чаще всего испытываемых участниками интервью
в 2023 – перв. пол. 2024 гг., чел.

*List of emotions which most often experienced by interview's participants
in 2023–2024, abs.*

№	Положительные эмоции	Частота упоминаний
1	Радость, веселье	21
2	Позитив, положительные эмоции	5
3	Удовлетворение (восхищение, удовлетворенность)	5
4	Ощущения открытия, новизны, интерес к новому	3
5	Любовь	2
6	Счастье	2
7	Творческий подъем, воодушевление	2
8	Надежда, предвкушение будущего	2
9	Уверенность в себе, завтрашнем дне	2
10	Поддержка, забота	2
11	Вовлеченность	1
12	Спокойствие	1
13	Ответственность	1
Всего положительных эмоций		49
№	Отрицательные эмоции	Частота упоминаний
1	Тревога (тревожность, смятение, переживания, волнение, беспокойство)	19
2	Грусть	10
3	Страх	7
4	Усталость, безразличие, депрессивность, упадок сил, безнадежность, пустота	6
5	Негативные, неприятные, отрицательные эмоции	5
6	Стресс, напряжение, истерики	5
7	Боль, печаль, скорбь	4
8	Стыд	3
9	Злость	3
10	Одиночество	2
11	Удивление	2
12	Неопределенность	1
13	Разочарование	1
Всего отрицательных эмоций		68

Отношение молодежи к программам материнского капитала и льготной ипотеки для молодых семей

В целях преодоления кризисных процессов в демографической сфере российское государство реализует ряд мер, ориентированных на поддержку семьи и деторождения, наиболее известными из которых являются весьма дорогостоящие программы материнского (семейного) капитала и льготной ипотеки для молодых семей. Участники интервью в большинстве своем выказали положительное отношение к обеим указанным программам, но более эффективной с точки зрения заявленных целей посчитали льготную ипотеку (рис. 1).

Эффективность программы материнского капитала была оценена существенно ниже льготной ипотеки, хотя и она, по мнению некоторых информантов, способна помочь в решении жилищного вопроса: *«На мой взгляд, она эффективна, ибо деньги от материнского капитала моя семья вложила в покупку загородного дома, который приносит пользу каждому члену семьи»* (муж., 22).

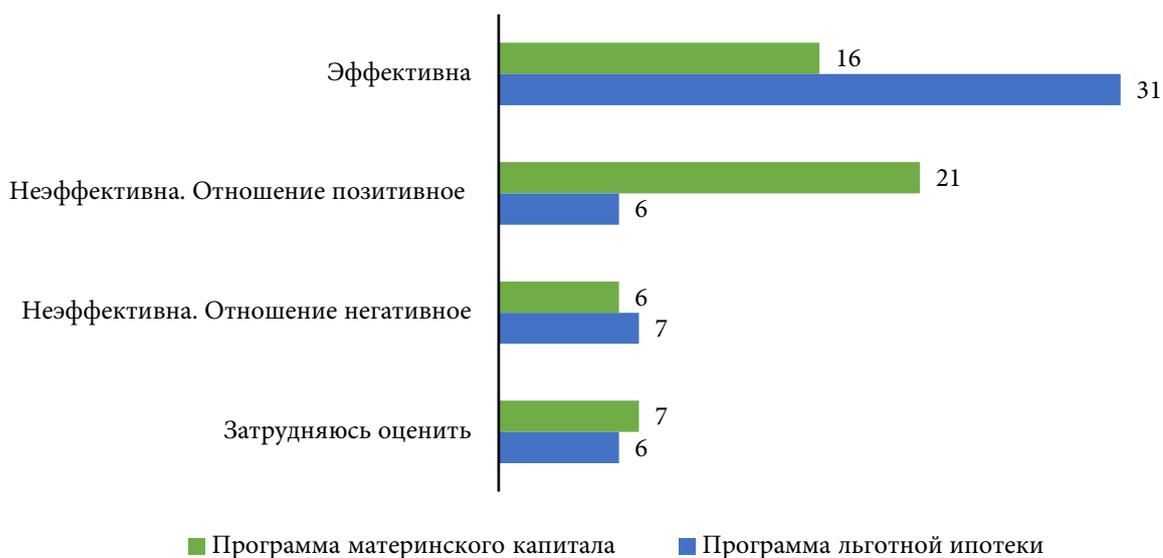


Рис. 1. Отношение участников интервью к программам материнского капитала и льготной ипотеки, чел.-

Figure 1. The attitude of the interview's participants towards maternity capital and preferential mortgage programs

Респонденты, высказавшиеся негативно относительно программ материнского капитала и льготной ипотеки чаще обосновывали свою позицию тем, что размер материнского капитала недостаточен для покрытия потребностей семьи, а кредит, хотя и льготный, все равно придется выплачивать. Реже звучали указания на то, что эти программы являются лишь внешним стимулом и не могут серьезно повлиять на внутреннее желание супругов иметь детей: *«Рождение ребенка зависит от множества факторов, помимо материального и жилищного»* (жен., 19); *«Людей, думающих о развитии или карьере и прочих вещах, этим особо не стимулируешь. Людей ниже достатком – можно еще...»* (муж., 25).

Отметив слабые, на их взгляд, стороны реализуемых государством программ по поддержке семьи и деторождения, участники интервью предложили ряд собственных мер, способных помочь в преодолении демографического кризиса. Более половины (29 чел.) высказали мнение, что государство должно создать условия для жизни людей, в частности, используя экономические инструменты, обеспечить рост доходов и повышение качества жизни: *«Все больше всего упирается в экономику. Если люди будут жить богаче, устойчивее и счастливее, они, конечно же, поднимут демографию сами, скорее всего, даже без всяких там льгот и капиталов»* (жен., 19). Также информанты предлагали расширить социальные меры по поддержке семьи, трудоустройству родителей и обеспечению жильем: *«Увеличить размеры материнского капитала, и чтобы он рос с рождением каждого ребенка»* (жен., 19); *«...выдача квартир в собственность»* (муж., 23).

Говоря о мерах по поддержке деторождения, молодые люди часто использовали такие слова и словосочетания, как «стабильность», «устойчивость», «уверенность в завтрашнем дне», подчеркивая при этом, что обозначаемые ими условия отсутствуют в нынешней России: *«Стабилизация ситуации внутри страны, подкрепление позиции рубля, прекращение СВО и мобилизации... Зачем рожать, когда муж на войне?»* (жен., 23). Только каждый пятый из тех, кто сформулировал свои предложения, говорил о необходимости работы в пространстве ценностей.

Таким образом, выявлено в основном положительное отношение молодых людей к государственным мерам по смягчению кризисных тенденций в сфере воспроизводства населения. Те же, кто оценил эти меры негативно, обосновывали свою позицию неудовлетворительной экономической ситуацией и далеко не лучшими условиями жизни в стране, сводящими на нет стимулирующие инициативы государства.

Отношение молодежи к внедрению в систему образования традиционных духовно-нравственных ценностей

В последние годы одной из главных задач российского образования декларируется сохранение и развитие традиционных духовно-нравственных ценностей, таких как жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, служение Отечеству, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, духовность¹. В русле этой задачи трансформируется система школьного и вузовского образования.

Большинство участников интервью (23 чел.) положительно восприняли внедрение традиционных духовно-нравственных ценностей в систему образования. Одни из них, обосновывая свою позицию, указывали на зна-

¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Указ Президента Российской Федерации от 09 ноября 2022 г. № 809. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 07.09.2025).

чимость такой традиционной ценности, как семья¹: *«Семья, работа, человеческие отношения, помощь другим людям – все, что развивает в тебе доброту, заботу, делает по-настоящему счастливым... Семья является гарантом того, что ты будешь морально счастливым человеком»* (муж., 22). Другие, высказываясь за, апеллировали к социальной ответственности человека и его гражданственности: *«Для меня лично традиционные ценности – это тяга к развитию, стремление к общим благам, стремление улучшить не только себя, но и свое окружение, от семьи до города и дальше, быть общественно полезным и просто понимать, что твоя жизнь принадлежит не только тебе, за нее отвечать надо и перед другими»* (муж., 18). Третьи, приветствуя внедрение традиционных ценностей в систему образования, ссылались на исторический опыт российского общества: *«В советское время в этом плане было много хорошего, те же субботники... Мне это кажется сплочением коллективов»* (муж., 23); *«Положительно. Это то, что разрушали на протяжении тридцати лет. Я надеюсь, что у нашего правительства получится восстановить эти ценности»* (жен., 25).

Примерно пятая часть респондентов (9 чел.) отнеслась к такому внедрению неоднозначно. Молодые люди не выступали категорически против данной меры, но в то же время не скрывали сомнений. Так, они отмечали, что на традиционных ценностях уместно строить воспитание детей дошкольного и младшего школьного возраста, тогда как для школьников постарше и студентов *«нужны более глубокие идеи, дающие ответ на вопрос: “Для чего мне все эти ценности?”»* (муж., 24). Некоторые опрошенные предлагали «осовременить» традиционные ценности, а для их продвижения использовать темы и форматы, способные заинтересовать молодежь.

Для ряда участников интервью, придающих большое значение именно светскому характеру российского государства, их скептическое отношение к внедрению традиционных ценностей в образовательный процесс выросло из непонимания: включают ли указанные ценности в себя также ценности православные и, более широко, религиозные. Не будучи против вовсе, эти молодые люди считают важным, *«чтобы [внедряемые] ценности носили более светский характер: семья, брак и прочее – вещи, которые можно продвигать и без опоры на религию... А православные или мусульманские ценности пускай прививает семья, не государство»* (муж., 24).

Некоторые из неоднозначно настроенных респондентов высказывали опасения, что:

¹ Некоторые из представленных ниже в данном разделе результатов согласуются с данными ВЦИОМ: Традиционные ценности: ожидание и реальность. 2025. 08 июля. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-ozhidanie-i-realnost>. (дата обращения: 13.10.2025).

– внедрение традиционных ценностей приведет к ограничению свободы и независимости человека: *«Если мы что-то вводим, надо делать это так, чтобы это не приносило дискомфорта другим. Этим можно нарушить личные границы человека»* (жен., 20);

– социальные проблемы российского общества грозят свести на нет внедрение традиционных ценностей: *«Ценности хорошие, но их нужно показывать примером... Трудиться ради труда, игнорируя тот факт, что есть массовое социальное расслоение и дисбаланс в плане денежной оплаты?»* (муж., 25);

– ряд ценностей уже потеряли свою актуальность: *«...продвижение [...] ценностей (патриотизм, гражданственность) в данный момент уходит просто на спад. Сейчас молодые люди больше упираются в карьеру...»* (жен., 19).

Отрицательное отношение к внедрению традиционных ценностей в школах и вузах продемонстрировали 14 чел. Согласно их мнению, все это *«просто наглая и жестокая кража времени»* (жен., 19); *«все обесценено в труху, это не вернуть; попытка подобного обречена на полный провал»* (муж., 25). Кое-кто из молодых людей прямо называли обсуждаемую меру пропагандой: *«Не люблю пропаганду и вынужденное выслушивание чужого субъективного мнения на этот счет»* (жен., 24); *«Для меня по большей части это промывка мозгов»* (муж., 19). Было также единичное упоминание о низком качестве работы в данном направлении: *«В России могут имитировать деятельность лучше, чем ей заниматься»* (муж., 23).

Для полноты картины стоит отметить, что 4 чел. из числа опрошенных затруднились с ответом.

Итак, говоря об отношении к внедрению в учреждениях образования традиционных духовно-нравственных ценностей, участники фокусированного интервью не были едины в своем мнении. Большинство (чуть менее половины) высказались положительно, при этом дав лишь самую общую оценку тому, как осуществляется указанная антикризисная мера. Напротив, те, кто отнесся к подобному внедрению неоднозначно или отрицательно, были более многословны и постарались подробнее обосновать свою позицию.

Отношение молодежи к СВО и частичной мобилизации

В рамках российского официального политического дискурса СВО декларируется ключевой мерой по обеспечению национальной безопасности страны. Изучение отношения молодых людей к ней является сложной задачей в силу высокой сенситивности данной темы, влияющей на степень достоверности результатов. Поэтому с целью получения более искренних ответов в сценарий фокусированного интервью были включены нескольких равноценных вопросов.

Разговор с молодыми людьми об отношении к СВО начинался с оценки того, насколько она важна и затронула ли самих респондентов и их окружение. Без малого две трети опрошенных сообщили, что события, связанные

с СВО, важны и в той или иной степени затронули их непосредственно (26 чел.) или же опосредованно (5 чел.): «Это крайне глобальное событие, и оно безусловно затронуло всех и каждого в России» (муж., 20); «Я была в шоке. СВО затронула только дальних родственников и не самых близких знакомых» (жен., 23); «Важно. Это затронуло мою семью, моих близких людей смертью одного из них» (жен., 19). Выше уже отмечалось, что начало СВО вызвало у молодых людей всплеск в основном негативных эмоций (рис. 1).

В ходе анализа ответов респондентов были выявлены смысловые единицы, позволяющие понять: *кого* из окружения молодых людей коснулись события, связанные с СВО, *какие* это события и *каким* образом спецоперация повлияла на опрошенных (табл. 2).

Таблица 2 (Table 2)

Участники фокусированного интервью о том,
как их затронули события, связанные с СВО, чел.

Focused interview participants

on how they were affected by the events surrounding the special military operation, abs.

№	Смысловые единицы и единицы анализа (слова, словосочетания)	Частота упоминаний единиц анализа
1	КОГО затронули: – семью (8 упоминаний); – родственников, близких (6); – друзей (7); – знакомых (4); – родственников, близких, друзей на Украине (5); – близких за границей (2)	32
2	КАКИЕ СОБЫТИЯ, СИТУАЦИИ затронули: – санкции (блокировка сетей, уход брендов) (7); – экономическая ситуация (1); – развитие производства (1); – потеря, гибель близких, друзей (5); – смерть, гибель людей, участвующих в боевых действиях (2); – ранения близких (1); – призыв, мобилизация (5)	22
3	КАКИМ ОБРАЗОМ затронули: – повлияли на психическое здоровье, появился страх (8); – опривычивание (6); – повлияли на жизнь информанта (3); – повлияли на будущее информанта (3); – изменили отношение к стране (3); – повлияли на отношения с друзьями, знакомыми (3); – привели к понижению уровня жизни (2); – спровоцировали страх перед диверсиями, беспилотниками (2); – заставили задуматься о смерти (1); – вызвали дискомфорт (1); – сплотили людей (1)	33
4	Всего упоминаний	87

Говоря о СВО, молодые люди были в целом немногословны; влияние событий, связанных с ней, на их состояние и жизнь они оценили преимущественно негативно. Также в большинстве своем негативно они оценили воздействие СВО на общество. Лишь единицы отметили положительные моменты: развитие производства, сплочение людей.

На вопрос об официально заявленных целях СВО большинство (20 чел.) отказались отвечать, что маркирует данный вопрос как крайне чувствительный. Из тех же, кто ответил, 18 чел. поддержали их, а 12, напротив, осудили действия России в отношении Украины.

Поддерживающие СВО при обсуждении ее целей использовали позитивно окрашенную лексику: «вернуть, освободить территории», «отстоять суверенитет страны», «безопасность нашей страны», «защита русских людей». Некоторые также приводили официальную формулировку: «Денацификация и демилитаризация. Помимо этого, думаю, что сдерживание блока НАТО на территории Украины еще» (муж., 22).

Негативно настроенные, обсуждая СВО, выбирали, соответственно, слова и словосочетания, имеющие отрицательные коннотации: «получить новые территории», «территориальная экспансия», «борьба одного капитала с другим за ресурсы», «война ради войны» и т. д.

В группу не ответивших вошли: 1) молодые люди с предположительно негативным отношением к заявленным целям СВО: «Цели СВО мне абсолютно не ясны» (жен., 20); «Я уже не знаю, какие были цели у этой “Специальной военной операции”» (жен., 20); 2) те, кто под действием «спирали молчания» оказался не готов «высказывать непопулярные мнения из-за опасений столкнуться с социальным неодобрением» [5, с. 44].

Разговор о частичной мобилизации тоже вызвал довольно ощутимое число неответов – 15. Однако еще больше было тех, кто отозвался о ней негативно – 22 чел., без малого половина участников интервью. В списке использованных ими слов и словосочетаний с негативной коннотацией¹ доминировали эпитеты, характеризующие эмоции: «страшная», «ужасно», «плохо», «недопустимо», «осуждаю», «сочувствую» и др. Вторую по частоте встречаемости группу составили слова и фразы, выражающие критическое отношение к тому, как в целом осуществлялась мобилизация: «плохо организована», «качество проведения вызвало вопросы», «говорили одно, сделали другое», – а также касающиеся нарушений во время призыва: «забирали всех подряд», «забирали по ошибке», «[забирали] неподготовленных» и т. д.

Наиболее развернуто позицию негативно воспринявших частичную мобилизацию выразил один из респондентов: «Раньше был договор, все занимались своими жизнями. С мобилизацией это резко поменялось... Забирая неподготовленных людей, получаем очень сильный удар по авторитету государства, доверия к нему стало меньше... Никто в здравом уме не пошел бы на войну, обменяв [на нее] свою мирную жизнь и свои планы,

¹ 53 единиц анализа, отражающих негативные оценки мобилизации, и 21 единица, отражающая позитивное отношение.

семьи, детей, работу, хобби, увлечения. Патриоты, конечно, есть, готовые туда идти, но таких меньшинство... Нельзя вовлекать обычный люд, тем более, когда война началась по нашей вине, мы не защищаемся» (муж., 23).

Однозначно поддержали частичную мобилизацию только трое опрошенных, обосновав свою позицию тем, что «это обязанность гражданина» (муж., 21) и «из всех, кого я знаю, призывали только запасников и в основном с боевым опытом» (муж., 19). Еще шестеро признали ее необходимой мерой: «Я понимаю, что это была вынужденная мера» (жен., 20). Оставшиеся 4 чел. отнеслись к данной мере неоднозначно.

При сопоставлении высказываний, поддержавших частичную мобилизацию и воспринявших ее негативно становятся заметны довольно интересные противоречия, присутствующие в аргументах обеих сторон. Так, первые утверждают, что мобилизовывали лишь военнослужащих запаса и все призванные проходили подготовку, тогда как вторые говорят о призыве мужчин, не подготовленных к участию в военных действиях.

Анализ ответов молодых людей касательно СВО показал, что большинство респондентов считает ее начало важным событием, повлиявшим на их жизнь, эмоциональный настрой и психическое состояние. Изрядное количество неответов на вопросы о целях СВО и об отношении к частичной мобилизации указывает на крайнюю сенситивность данных тем и неготовность молодежи к их открытому обсуждению.

Из всех затронутых в интервью государственных антикризисных мер частичная мобилизация вызвала у респондентов больше всего негатива. Без малого половина (22 чел.) отнеслись к ней отрицательно, восприняв как «ужас», вторгшийся в их жизнь и угрожающий им и близким. Для сравнения: однозначно поддержали частичную мобилизацию лишь трое и еще 6 чел. сочли ее необходимой.

Выводы

В отношении молодых людей к государственным антикризисным стратегиям в демографической политике, образовании, национальной безопасности проявилась сложная взаимосвязь их жизненных ценностей и кризисной социальности, в условиях которой им приходится жить.

Для респондентов, период взросления которых пришелся на период 2005–2019 гг., наибольшую важность имеют ценности частной жизни (семья), самореализации и принятия других людей (доброта, честность). Среди опрошенных немногие доверяют государственным и независимым источникам информации, но при этом немало тех, кто считает себя не подверженным влиянию СМИ. Подобное, впрочем, не удивляет. Еще ранее российские социологи фиксировали нарастающее среди молодых людей недоверие к высшим политическим институтам страны. Отчасти это проявилось и в нашем исследовании. Из двух эмоций, наиболее часто испытываемых участниками интервью: радости и тревоги, – вторая, по их собственному признанию, в значительной мере вызвана действиями государства, в частности проводимой им СВО.

В целом молодежь отдает приоритет ценностям частной жизни и активного индивидуализма – т. е. таким, которые непосредственно связаны с удовлетворением личных потребностей. Из позиционируемых в официальном политическом дискурсе как традиционные значимой оказалась лишь ценность семьи, занявшая в полученной иерархии, что примечательно, лидирующую позицию. Среди положительных эмоций у молодых людей доминирует радость. Однако, если оценивать их эмоциональный настрой в общем, приходится признать: негативные эмоции преобладают над положительными и отличаются большим разнообразием, что отчасти связано с СВО (об этом же свидетельствуют результаты массовых опросов [16, с. 270–272]). Вместе с тем ряд информантов отметили, что с течением времени у них произошло привыкание к спецоперации и негативные эмоции, вызванные ею, начали затухать.

Из всех обсуждавшихся в ходе интервью государственных антикризисных мер программы материнского капитала и льготной ипотеки, как самые «мирные» и не угрожающие вторжением в столь ценимую молодежью частную жизнь, вполне ожидаемо получили наибольшее одобрение со стороны опрошенных. По сравнению с ними внедрение традиционных духовно-нравственных ценностей в систему школьного и вузовского образования, СВО и частичная мобилизация были восприняты менее позитивно, особенно последняя.

Проведенное исследование позволило получить данные об отношении молодежи Приморского края к ключевым антикризисным стратегиям государства в сферах: демографической политики, образования и национальной безопасности. Его результаты планируется использовать для разработки дизайна и инструментария массового опроса, который, в свою очередь, поможет определить степень воздействия антикризисных мероприятий государства на конкретные группы молодых людей и, хочется верить, скорректировать способы их реализации в целях повышения эффективности и достижения общественной пользы.

Библиографический список

1. Апарина И. В. Проблемы и перспективы российского государственного управления в период перманентного кризиса // Общество, экономика и право: вызовы современности и тенденции развития: электр. сб. ст. Волгоград: Сфера, 2023. С. 18–24. EDN: SEZFR1.

2. Арутюнян К. С. Изменения в общественном сознании в условиях социального кризиса (социально-философский аспект) // Известия вузов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2013. № 1(25). С. 73–79. EDN: QCHHWF.

3. Горшков М. К., Тюрина И. О. Консолидация российского общества в условиях современных вызовов: историко-социологический и ценностно-мировоззренческий контексты // Вестник РУДН. Социология. 2023. Т. 23. № 4. С. 720–739. DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-4-720-739; EDN: FQZJXO.

4. Государственное управление в условиях кризиса и санкционных ограничений: отечественный и зарубежный опыт / Под общ. ред. Е. В. Охотского. М.: МГИМО-Университет, 2017. 889 с.

5. Звоновский В. Б., Ходыкин А. В. Восприятие россиянами конфликта с Украиной: проверка гипотезы «спирали молчания» // Социологические исследования. 2023. № 11. С. 38–50. DOI: 10.31857/S013216250028531; EDN: CAGJIQ.

6. Казанцев Д. А. Бегство от политики: есть ли будущее у молодежного политического протеста в Сибири и на Дальнем Востоке? // Вестник РУДН. Политология. 2022. Т. 24. № 4. С. 904–917. DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-4-904-917; EDN: LPDPIQ.

7. Катерный И. В. Развитие теории кризиса в социологии: эволюция идей и современность // Социологические исследования. 2023. № 10. С. 14–26. DOI: 10.31857/S013216250028301-4; EDN: НУНУDT.

8. Крейк А. И., Коломенская А. С., Комф Е. В. Отношение и отношения как следствие и проявления взаимодействий в социуме // Фундаментальные исследования. 2014. № 12-11. С. 2496–2500. EDN: TJHYN.

9. Левашов В. К., Новоженина О. П. Гибридная социально-политическая реальность: сущность, мнения граждан и тенденции // Социологические исследования. 2022. № 12. С. 139–149. DOI: 10.31857/S013216250022369-8; EDN: CJXXAJ.

10. Молодежь о будущем России и о себе: вызовы настоящего и конструирование горизонтов грядущего (по материалам VIII этапа мониторинга динамики социокультурного развития уральского студенчества 1995-2020 гг.) / Под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург: Урал. ун-т, 2021. 372 с.

11. Нестик Т. А. Социальный оптимизм в условиях кризиса: от защитных механизмов к постановке совместных целей // Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности. М.: ИПМ им. М. В. Келдыша, 2023. С. 140–145. DOI: 10.20948/future-2023-8; EDN: GQQYUT.

12. Петухов В. В. Российская молодежь и ее роль в трансформации общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3(157). С. 119–138. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1621; EDN: QWSVAC.

13. Радаев В. В. Раскол поколения миллениалов: историческое и эмпирическое обоснование. Первая часть // Социологический журнал. 2020. Т. 26. № 3. С. 30–63. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.3.7395; EDN: PCGGMH.

14. Расторгуев С. В. Современные исследования политической идентичности российской молодежи // Гуманитарные науки. Вестник Финуниверситета. 2022. № 12(4). С. 89–96. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-89-96; EDN: NNZXEY.

15. Российское общество и государство в условиях глобальной многополярности. Социально-политическое положение России в 2022 году / Отв. ред. В. К. Левашов. М.: ФНИСЦ РАН, 2023. 549 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-409-3.2023; EDN: ORTSAQ.

16. Российское общество и государство: основания устойчивости и тенденции изменений. Социальная и социально-политическая ситуация / Отв. ред. В. К. Левашов. М.: ФНИСЦ РАН, 2024. 432 с.

17. Седова Н. Н. Динамика смысложизненных установок россиян и консолидационного потенциала общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 5. С. 283–304. DOI: 10.14515/monitoring.2023.5.2498 EDN: PPNIKZ.

18. Синютин М. В. Диалектика кризиса и текущие проблемы России // Десятые Ковалевские чтения / Отв. ред. Ю. В. Асочаков. СПб.: Скифия-принт, 2015. С. 614–617.

19. Шалаев В. В. Общество перед вызовами сложности: на путях антикризисного управления // Труды БГТУ. 2018. Сер. 6. № 1. С. 71–76. EDN: XUTLVB.

20. Яницкий О. Н. Социология критических состояний общества: теоретические и методические проблемы // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 4(8). С. 5–24. EDN: TBWLSX.

Получено редакцией: 28.06.25

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Марин Егор Борисович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин

Осмачко Надежда Владимировна, кандидат социологических наук, доцент

DOI: 10.19181/vis.2026.17.1.6

On the Attitude of the Youth of Primorsky Krai Toward Key Anti-Crisis Strategies of the State¹

Egor B. Marin

Maritime State University named after Admiral G. I. Nevelskoy, Vladivostok, Russia

marin.eb@dvfu.ru

ORCID: 0009-0007-2444-4094

Nadezhda V. Osmachko

Vladivostok, Russia

nv.o@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1604-8768

For citation: Marin E. B., Osmachko N. V. On the Attitude of the Youth of Primorsky Krai toward Key Anti-Crisis Strategies of the State. *Vestnik instituta sotziologii*. 2026. Vol. 17 No. 1. P. 111–129. DOI: 10.19181/vis.2026.17.1.6; EDN: CAKGPV.

¹ **Acknowledgements.** The study was funded by a Russian Science Foundation grant No. 24-28-00740.

Abstract. This article presents the results of a qualitative study conducted among the youth of Primorsky Krai in the spring and summer of 2024. Transcripts of focused interviews with 50 young men and women aged 18–25 were processed using content analysis. To increase the validity of the conclusions, data from mass surveys of youth from recent years were also utilized. Young people’s attitudes toward the main anti-crisis strategies of the Russian state in the spheres of demographic policy, education, and national security were studied using the examples of: 1) the maternity capital program and preferential mortgage programs for young families; 2) the introduction of traditional spiritual and moral values into school and university education; and 3) the Special Military Operation (SMO) and partial mobilization. It was found that the youth of Primorsky Krai have fairly general ideas about the maternity capital and preferential mortgage programs for young families, which were assessed rather positively but were also deemed insufficiently effective. Interview participants were mostly critical of the activities of state authorities in the area of family support and birth rate stimulation. In their responses, they expressed dissatisfaction with the economic situation and living conditions in the country, which demotivate Russians from having children. Young people’s attitudes toward the introduction of traditional spiritual and moral values into the educational process are generally ambiguous. Noteworthy is the fact that those supporting this vector of domestic policy (23 people) were less verbose in justifying their position than those who “support it, but with reservations,” or are negatively disposed. The latter were generous with arguments in defending their opinions. The perception of the SMO among young people is ambivalent. The vast majority of interview participants recognized it as an important event that affected them to some extent, but less than a third of respondents unequivocally voiced support for the special operation. For some informants, the SMO either was not considered significant from the start or became “routine” over time; one in four negatively assessed Russia’s actions regarding Ukraine. The attitude toward partial mobilization among young people is generally rather negative: 22 people assessed it negatively, while only 3 unequivocally supported it. During the interviews, the phenomenon of the “spiral of silence” was recorded: a significant number of informants (from one-third to one-half) refused to answer questions about the SMO and mobilization. The obtained results are planned to be used in preparing the second stage of the research, particularly as a basis for formulating hypotheses and closing alternative questions in the survey instrument.

Keywords: state, anti-crisis strategies, youth, attitudes, demography, traditional values, national security

References

1. Aparina I. V. Problems and Prospects of Russian Public Administration in the Period of Permanent Crisis. In *Society, Economy and Law: Modern Challenges and Development Trends: Elect. Coll. of Art.* Volgograd, Sfera, 2023: 18–24 (in Russ.). EDN: SEZFR1.
2. Arutiunian K. S. Changes in Public Consciousness in the Context of Social Crisis (Socio-Philosophical Aspect). *Izvestiia vuzov. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki*, 2013: 1(25): 73–79 (in Russ.). EDN: QCHHWF.
3. Gorshkov M. K., Tyurina I. O. Consolidation of Russian Society in the Context of Modern Challenges: Historical, Sociological, and Value-Ideological Contexts. *Vestnik RUDN. Sotsiologiya*, 2023: 23(4): 720–739 (in Russ.). DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-4-720-739; EDN: FQZJXO.
4. Public Administration in Conditions of Crisis and Sanctions: Domestic and Foreign Experience. Ed. by E. V. Okhotsky. Moscow, MGIMO-Universitet, 2017: 889 (in Russ.).
5. Zvonovskiy V. B., Khodykin A. V. Russians’ Perception of the Conflict with Ukraine: Testing the “Spiral of Silence” Hypothesis. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2023: 11: 50–38 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250028531-7. EDN: CAGJIQ.
6. Kazantsev D. A. Escape from Politics: Is There a Future for Youth Political Protest in Siberia and the Far East? *Vestnik RUDN. Politologiya*, 2022: 24(4): 904–917 (in Russ.). DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-4-904-917. EDN: LPDPIQ.
7. Katernyi I. V. Development of the Theory of Crisis in Sociology: Evolution of Ideas and Modernity. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2023: 10: 14–26 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250028301-4; EDN: HYHUDT.
8. Kreik A. I., Kolomenskaia A. S., Komf E. V. Attitudes and Relationships as a Consequence and Manifestations of Interactions in Society. *Fundamentalnye issledovaniya*, 2014: 12-11: 2496–2500 (in Russ.). EDN: TJIHYH.
9. Levashov V. K., Novozhenina O. P. Hybrid Socio-Political Reality: Essence, Opinions of Citizens, and Trends. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2022: 12: 139–149 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250022369-8; EDN: CJXXAJ.

10. Young People on the Future of Russia and on Themselves: Challenges of the Present and Construction of Horizons of the Future (Based on the Materials of the VIII Stage of Monitoring the Dynamics of Sociocultural Development of the Ural Students 1995-2020). Ed. by Yu. R. Vishnevsky. Ekaterinburg, Ural. un-t, 2021: 372 (in Russ.).
11. Nestik T. A. Social Optimism in a Crisis: From Defense Mechanisms to Setting Joint Goals. In *Designing the Future. Problems of Digital Reality*. Moscow, IPM im. M. V. Keldysha, 2023: 140–145 (in Russ.). DOI: 10.20948/future-2023-8; EDN: GQQYYT.
12. Petukhov V. V. Russian youth and its role in the transformation of society. *Monitoring obshhestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny*, 2020: 3(157): 119–138 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1621; EDN: QWSVAC.
13. Radayev V. V. The split of the millennial generation: historical and empirical substantiation. First part. *Sotsiologicheskii zhurnal*, 2020: 26(3): 30–63 (in Russ.). DOI: 10.19181/socjour.2020.26.3.7395. EDN: PCGGMH.
14. Rastorguev S. V. Modern studies of the political identity of Russian youth. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finuniversiteta*, 2022: 12(4): 89–96 (in Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-89-96; EDN: NNZXEY.
15. Russian society and state in the context of global multipolarity. Socio-political situation of Russia in 2022. Ed. by V. K. Levashov. Moscow, FNISC RAN, 2023: 549 (in Russ.). DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-409-3.2023; EDN: ORTSAQ.
16. Russian Society and State: Foundations of Stability and Trends of Change. Social and Socio-Political Situation. Ed. by V. K. Levashov. Moscow, FNISC RAN, 2024: 432 (in Russ.).
17. Sedova N. N. Dynamics of life-meaning attitudes of Russians and the consolidation potential of society. *Monitoring obshhestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny*, 2023: 5: 283–304 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2023.5.2498; EDN: PPNKZ.
18. Siniutin M. V. Dialectics of Crisis and Current Problems of Russia. In *The Tenth Kovalev Readings*. Ed. by Yu. V. Asochakov. St. Peptersburg, Skifiia-print, 2015: 614–617 (in Russ.).
19. Shalaev V. V. Society Facing the Challenges of Complexity: On the Path of Anti-Crisis Management. *Trudy BGTU*, 2018: 6(1): 71–76 (in Russ.). EDN: XUTLVB.
20. Yanitskiy O. N. Sociology of critical states of society: theoretical and methodological problems. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsialnaya praktika*, 2014: 4(8): 5–24 (in Russ.). EDN: TBWLSX.

The article was submitted on: June 28, 2025

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Egor B. Marin, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines

Nadezhda V. Osmachko, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor